

Чего ТОЛЬКО не изучают литературоведы: сюжет и фабулу, личность писателя и его окружение, то, как создаются литературные репутации. По есть нечто, чем стоило бы заняться повнимательнее. Это - соотношение биографии и намерений, желаний и способностей, короче говоря - судьба писателя. Вопрос ведь не в том, чтобы констатировать: такой-то родился в таком-то году и в таком-то городе. Нет, все много серьезнее. Ведь, когда человек умирает, его жизнь принимает вполне определенные формы, словно застывает горячая лава, отпечатав фигуры людей и очертания предметов. Все выглядит совершенно иначе, чем при жизни. И пусть сравнение приблизительно, оно, возможно, что-то подскажет. Каждый будет делать собственные выводы, по-своему толкуя соотношения фигур и предметов, намерений и достигнутого, усилий и результата этих усилий. Тут проявятся закономерности, которые трудно объяснить, но легко разглядеть. Вот хотя бы жизнь Северянина. Толпы поклонников и поклонниц, когда поэт писал для избранных, понимающих силу иронии и ценящих острый стилистический оборот. И отсутствие читателей в те времена, когда стихи стали простыми и понятными. Дважды немецкая оккупация - в 1918 году и в 1941-м. Известность в начале пути, громогласная слава в середине и полная безвестность в конце. Вовсе никчемное, зато одно из первых опубликованных стихотворений - патриотическое. И поздние стихи о родине. Это следует знать, чтобы сопоставить факты, чтобы сказать то, что можно сказать словами, и увидеть то, что сказано быть не может.

1

Слава не приходит сама. Славу добывают тяжким трудом, праведным у одних, неправедным у других — тут зависит от совести человека, — но когда упорство и трудолюбие оживлены талантом, это — счастливое сочетание. У Северянина было так. Но на это мало обращают внимание. Тут одна из закономерностей северянинской судьбы — написано о нем много, но разобраться, что к чему, как^ то не удосуживаются. Взять хотя бы его самоименование. Игорь Васильевич Лотарев избрал поэтический псевдоним,

который яснее ясного говорит о человеке, его придумавшем: Игорь - Северянин. И никак иначе. Позднее эти два неразделимых слова переставляли так и эдак, склоняли, выстраивали в каталогах на букву "С". Впрочем, это будет потом, когда начнется великая слава. А пока — только упорная работа.

Начинающий автор терпеливо посылал стихи в журналы и газеты, где их не печатали. Тогда он стал издавать за собственный счет поэтические брошюры, очень маленьким тиражом, иногда объемом всего по 2 странички.

Брошюры отсылались в редакции. Иногда ответа не было. Иногда на газетной или журнальной полосе помещалось уведомление, что получена такая-то книжка на рецензию. Неизвестно, сколько бы так продолжалось, но случилась история, скорее анекдотическая, чем серьезная. Кто-то прочитал Льву Толстому стихи Северянина. И великий писатель земли русской вознегодовал. Вокруг творится черт-те что, а о чем пишет молодежь?

Вонзите штопор в упругость пробки, —

И взоры женщин не будут робки!..

Гневной отповеди было достаточно, чтобы Северяниным заинтересовались журналисты. А дальше интерес рецензентов. А еще дальше — подлинная слава. Ее Северянину принес сборник "Громокипящий кубок", эта книга переиздавалась много раз.

2

По-разному выстраивается поэтический мир, а потом живет согласно собственным законам. Северянине -кий мир возникал не от проникновения за грани земли и небес, как у символистов. И мир этот расширялся не потому, что раздвигались пределы времени и пространства, как было у Брюсова, и не потому, что поэт-путешественник открывал прежде недоступные дали — так открывал их Николай Гумилев.

У Северянина было иначе. Он обладал каким-то детским чувством слова. Его радовал сам процесс названия, именованя (кстати, по этой причине сочиненные Северяниным глаголы и прилагательные много хуже сочиненных им существительных). Впрочем, он любил разные слова, не только им выдуманные, но и заимствованные. Он любил их с их звуками и смыслом. Какое-нибудь необыкновенное "сомбреро" и замечательно объемное, причудливое слово "комфортабельный" вставляли в нужном месте строки.

Странные неологизмы "чернобровье", "угрозье", "замужница" не выглядели странными. Так же, как вычитанные "экссесс" или "крем де мандарин". Северянин не просто составлял и сопоставлял слова. Он в одной строке спрессовывал массу нового. "Гарсон, сымпровизируй блестящий фэйф-о-клок" — звучно, чуть загадочно. И тем не менее это настоящие, подлинные стихи. Они выдерживали и цитаты, и слова чужих языков, и

прозаизмы, и сложную терминологию.

Валентина, сколько счастья!

Валентина, сколько жути!

Сколько чары!

Валентина, отчего же ты грустишь?

Это было на концерте в медицинском институте,

Ты сидела в вестибюле за продажей афиш.

Какой поэт может позволить себе играть столь трудными и опасными для стихов словами? А Северянин играет, он наслаждается звучанием строки, отчетливой артикуляцией. И собственным мастерством, что вовсе не предосудительно, если это настоящее мастерство.

Ты зашла ко мне в антракте (не зови его пробелом)

С пышной розой, с красной грезой, с бирюзовою грозой

Глаз восторженных и наглых.

Ты была в простом и белом,

Говорила очень быстро и казалась стрекозой.

Так начинается очередная любовная история, которых достаточно в биографии Северянина, но более всего в его миньонетах, дизелях, лэ и прочих выдуманных поэтом стихотворных формах.

Этот мир, как всякий мир, разнообразен, в нем сосуществуют разные явления, живут разные люди. Твердят, что Северянин упивается дешевой "шикарностью". Скорее наоборот, ему ближе простая жизнь, простые радости. Вечер, солнце, цветы доставляют наслаждение не меньшее, чем красивые и звучные слова.

Шумите, вешние дубравы! Расти, трава! цветы, сирень! Виновных нет: все люди правы В такой благословенный день!

А как же "шикарная" жизнь, на первый взгляд столь любимая поэтом? К чему все эти куртизанки, светские приемы, стремительные любовные истории, чуть ли не лиловые негры и коричневые грумы? Впрочем, негры и малайцы — это из песенок Вертинского, а грум, кажется, из стихотворения Веры Инбер. Но у Северянина нечто подобное уже было.

И тут есть о чем задуматься. Перечитаем воспоминания Бенедикта Лившица. Воспоминания очень необычные. И стоит привести цитату подлиннее: "Северянин жил на Средней Подъячевской, в одном из домов, пользовавшихся нелестною славой. Чтобы попасть к нему, надо было пройти не то через прачечную, не то через кухню, в которой занимались стиркой несколько женщин. Одна из них, скрытая за облаками пара, довольно недружелюбно ответила на мой вопрос: "Дома ли Игорь Васильевич?" — и приказала мальчику лет семи-восьми проводить "этих господ к папе".

Мы очутились в совершенно темной комнате с наглухо заколоченными окнами. Из угла выплыла фигура Северянина. Жестом шателена он пригласил нас сесть на огромный, дребезжащий всеми пружинами диван.

Когда мои глаза немного освоились с полумраком, я принялся разглядывать окружавшую нас обстановку. За исключением исполинской музыкальной табакерки, на которой мы сидели, она, кажется, вся состояла из каких-то папок, кипами сложенных на полу, да несчетного количества высушенных букетов, развешанных по стенам, пристроенных где только можно. Темнота, сырость, должно быть от соседства с прачечной, и обилие сухих цветов вызвали представление о склепе. Нужна была поистине безудержная фантазия, чтобы, живя в такой промозглой трущобе, воображать себя владельцем воздушных "озерзамков" и "шалэ".

Мы попали некстати. У Северянина, верного расписанию, которое он печатал еще на обложках своих первых брошюр, был час приема поклонниц. Извиняясь, но не без оттенка самодовольства, он сообщил нам об этом.

Действительно, не прошло и десяти минут, как в комнату влетела девушка в шубке. Она точно прорвалась сквозь какую-то преграду, и ей не сразу удалось остановиться с разбега. За распахнувшейся дверью, в облаках густого пара, призванных, казалось, обеззараживать от микробов адюльтера всех северянинских посетительниц, там, в чистилище прачечной, слышалось сердитое ворчание.

Девушка оглянулась и, увидав посторонних, смутилась. Северянин взял из рук гостьи

цветы и усадил ее рядом с нами. Через четверть часа — еще одна поклонница. Опять — дверь, белые клубы пара, ругань вдогонку, цветы, замешательство...

Итак, жизнь среди папок и альбомов с вклеенными туда рецензиями на собственные стихи, а рядом — прачечная. Можно не поверить, тем более тон воспоминаний совсем не дружественный. Но, во-первых, даже этот мемуарист признает у Северянина бесспорный талант. А во-вторых, однако в главных, нечто подобное рассказывают о Северянине и другие.

Он шокировал и в стихах, и в жизни. Это выглядело почти пародией, тем не менее успех "поэз" Северянина и его выступлений — "поэзоконцертов" — был ошеломляющим и шумным. Северянин и сам понимал значение своей популярности и своего дара, а потому говорил:

Моя двусмысленная слова

И недвусмысленный талант!

насмешливы и самоироничны, нарочитость их подчеркнута нарочита. Впрочем, они и лиричны. Их определяют слияние иронии и лирики. Поэт и сам не раз заявлял об этом. И это легко проверить. Вот стихи, написанные во время первой мировой войны. Самоирония здесь оттеняет сказанное.

Друзья! Но если в день убийственный
Падет последний исполин, Тогда, ваш нежный,
ваш единственный., Я поведу вас на Берлин!

Так он писал и требовал для похода самое необходимое: коня, шампанского и кинжал.

А вот другие стихи того же периода:

Когда отечество в огне,

И нет воды, лей кровь, как воду...

Ирония здесь смолкает перед слишком серьезной, отнюдь не лирической, темой, потому и стихи'рассыпаются в прах.

3

В поздних стихах почти все иначе. И поэт поставил пределы насмешке. И жизнь его такова, что заставляла ценить добрые чувства и доброе слово.

Поздние северянинские стихи Чисты, мелодичны, экспрессивны. Северянинское мастерство всегда было высоко. Здесь оно стало поразительным.

...Есть в Юрьеве, на Яковлевской, горка, Которая, когда я встану вниз И вверх взгляну, притом не очень зорко, Слегка наполняет мне Тифлис...

Только поначалу кажется, что поэт никак не может подобрать слова, путается, комкает фразу. Вслушайтесь — сказано четко, всмотритесь — вот она, картина, — перед глазами. Это классика.

Но если упомянуто это слово, то стоит вспомнить стихотворение 1925 года "Классические розы", давнее название одному из северянинских сборников.

В те времена, когда роились грезы, В сердцах людей, прозрачны и ясны, Как хороши, как свежи были розы Моей любви, и славы, и весны!

Прошли лета, и всюду льются слезы... .

Нет ни страны, ни тех, кто жил в стране...

Как хороши, как свежи ныне розы

Воспоминаний о минувшем дне!

Но дни идут — уже стихают грозы.

Вернуться в дом Россия ищет троп...

Как хороши, как свежи будут розы,

Моей страной мне брошенные в гроб!

Стихи эти автобиографичны, они проникнуты иронией, теперь уже не бравурной, а грустной. Эпиграф к ним взят из стихов второстепенного поэта XIX века Ивана

Мятлева, оставшегося в истории литературы только строчкой о розах: "как хороши, как свежи были розы..." Эта строчка спокойствия, устойчивости, стабильности, каким кажется поэту из его времени прошедший век.

Само стихотворение четко делится на три части. Каждая строфа — замкнутое и самостоятельное целое. Первая строфа — воспоминание о первых шагах в литературе, успехах молодости. Вторая строфа — современность — закончилась гражданская война, когда русские воевали против русских, прошлое разрушено. Остались лишь воспоминания для немолодого поэта. Третья строфа о будущем — поэт твердо верит, что родина преодолет все невзгоды, и тогда, когда станут подводить итоги, вспомнят и его. Это стихотворение своего рода "Памятник". Северянин оказался прав.

Тут-то и надо сказать о северянинской иронии. Вообще, утверждение, что Мятлев остался в истории литературы од-ной-единственной строкой — утверждение ошибочное. Мят-лев — автор знаменитых стихов о госпоже Курджжовой. А известен в веках, вот ведь насмешка провидения, благодаря тургеневскому стихотворению в прозе. И так тоже бывает: автора эпиграфа читатели позабыли, а стихи помнят по этой — чужой — строке.

Убедительное и грустное сопоставление. Можно улыбнуться, но как смеяться над собственной жизнью? Тем более что жизнь складывалась необычайно нелепо. А потом нелепость обернулась трагедией.

4

Северянин ненамеренно оказался вне России. Вывез мать из голодного и мерзлого Петрограда в места, где он постоянно отдыхал, а туяг немецкая оккупация. Так и остался поэт за внезапно выросшей границей. Сыграли роль и обстоятельства, и привычка. Северянин жил в Эстонии, переводил местных поэтов, тосковал по России. Ни беженцем, ни эмигрантом себя не называл. Величался "дачником". Самоирония — едкая и грустная.

В воспоминаниях, написанных не напоказ, а просто для памяти, рассказывал: была возможность вернуться, но вот ведь, слабый человек, не использовал. В гастрольной поездке случайно встретился с Маяковским, тот звал в Россию. Да тогдашняя жена запротивилась. Убежала в испуге по ночному Берлину, и Северянин бежал за ней, не попрощавшись со знакомыми, попросту бросив их за ресторанным столиком. Это было ужасно. Но тот ужас, который еще предстоял, он даже не мог представить.

Поэт сильно бедствовал, тем более что с эмиграцией отношения у него сложились не слишком теплые. Бывало, зарабатывал тем, что продавал пойманную на удочку рыбу или разносил свои сборники с автографами. Но терпел — поэту просить вспомоществование труднее прочих.

Обращение за помощью к Рахманинову — один из немногих случаев. И то нашелся предлог. Еще в 1926 году Рахманинов прислал немного денег нуждавшемуся

Северянину, и тот поблагодарил ответным восторженным письмом.

Теперь приходилось просить, почти унижаться. Северянинское письмо еще и потому важно, что поэт здесь без прикрас говорит о себе и своей жизни:

"23 января 1939 г. Poste restante. Narva — Yoensuu. Estonie

Светлый Сергей Васильевич!

По совету Дм. Ал. Смирнова, сообщившего мне и Ваш адрес, я пишу Вам, — простите за тревогу, — это письмо.

В 1918 г. я уехал с семьей из Петербурга в нашу Эстляндскую губ., превратившуюся через год в Эстонию. До 1934 г. я объездил 14 государств, везде читая русским, везде кое-что зарабатывая. Конечно, очень скромно, но все же жить можно было. А с 1934 г. — н и ч е г о: ни заработков, ни надежд на них, ни здоровья. Ехать не на что, ехать некуда: везде ограничения, запреты, одичание.

Кому теперь до поэзии?! На нее смотрят свысока, пренебрежительно, с иронией и изумлением. И даже с негодованием. Кратко говоря, смысл отношения читателя и слушателя таков: "Лентяи. Бездельники. Не умерли вовремя". Работать в русских периодич. изданиях нельзя: их мало, и везде свои". Я же, к тому же, "гугенот": мне никогда никто не простит моей былой самостоятельности, моего эго-футуризма юности. Не кубо-футуризма размалеванных физиономий и желтых кофт, а именно "Его", то есть утверждения личности, если она, конечно, не вовсе безлична... Я живу чудом, Сергей Васильевич: случайными даяниями. Их все меньше и меньше. Они прекращаются, ибо люди уходят, а человеки не признают. Я живу в глухой деревне, на берегах обворожительной Рос сони, в маленькой, бедной избушке с женой и дочерью. Мы все больные, умученные, уходящие. Помогите же нам, Вы, Большой искусств-вик, "уйти" более или менее безболезненно. Невыносимо, свыше всяких сил обессиленных — умирать без конца! И не странно ли, не поразительно ли? — чем ужаснее жизнь, тем больше жить хочется, тем больше цепляешься за жизнь, все во что-то несбыточное веря и надеясь... без надежд! Читали ли Вы мои стихи, несколько лет назад посвященные Вам? Если хотите, я с радостью вышлю их.

Издавна Ваш Игорь Северянин".

Ответ пришел, написанный от имени Рахманинова другим:

"Многоуважаемый Игорь Васильевич. В ответ на Ваше письмо, адресованное в Швейцарию, СВ. выслал Вам 35 долл. Вчера он уехал в Европу. Он очень извиняется, что за многими делами сам не успел Вам написать и желает Вам от души всяких благ, также просит передать, что он также принадлежит к "больным, измученным и уходящим". С большим приветом".

Но не это главное. Внимание обратить следует на фразу из письма, где Северянин

упоминает "нашу Эстляндскую губ.". Вырвавшись как само собой разумеющееся, эти три слова растолковывают и позицию Северянина, и то, как он принял присоединение Эстонии к России в 1940 году, и даже его псевдоним.

Северянин был утопистом в том пан-русском варианте, который характерен скорее для следующих поколений. Тут следует вспомнить много раз цитированные строки:

Настроения мальчиков- "ифлийцев", по большинству павших на Великой Отечественной войне, очень схожи с настроениями Северянина. Утопизм не предполагал конкретных путей установления великой России. А в том, как это было в действительности, винить следует не поэтов.

Но вернемся к переписке. Северянин благодарил за помощь и просил Рахманинова прислать портрет, чтобы поместить среди портретов "людей, мною боготворимых".

И то и другое — правда. И правда — сказанное в письме от 4 июня того же, 1939 года:

"Мой дорогой Сергей Васильевич!

Радостно благодарю Вас за портрет Ваш с надписью. Посылаю Вам стихи, — для Вас воспринятые, — которые давно уже хотел (и был обязан!) Вам переслать. Они вошли в книгу, изданную в Белграде в 1931 г.

Последняя книга моих стихов — "Очаровательные разочарования", — к сожалению моему, а возможно, и других, не окончательно эпохой обездушенных, издателя не находит, — и много лет лежит в письменном столе. По этой причине я не могу себе разрешить, — вот уже три года, — запечатлевать вновь неудержимо возникаемое: я слишком ценю и Поэзию, и свое имя.

С каждым новым днем я все больше'»» неотвратимее приближаюсь к предназначенной мне бездне и, отдавая себе в этом отчет, осиянный муками, готовлюсь к гибели.

И вот мне хочется прежде, чем это совершится, еще раз от всего простого и искреннего поэта сердца воздать Вам, прославленному, славу и честь за дарованные мне Вами три месяца жизни на этой Земле, такой мучительной, но и упоющей!..

Игорь Северянин".

К письму приложено стихотворение "Все они говорят об одном", посвященное Сергею Рахманинову.

5

Следует оборвать цитирование. Письма, адресованные Северяниным старому своему другу Георгию Шен-гели, читать попросту невыносимо. Больное сердце, страшное безденежье, хворости любимой женщины. Желание хоть как-то заработать на жизнь. И

трогательная мечта работать на благо родины.

Эго надо помнить, когда читаешь одно из самых последних северянских стихотворений — стихотворение о реках. Потому что, несмотря на переключки с блоковской "Незнакомкой", это в первую очередь настоящие стихи. И стихи о самом дорогом.

Россонь, ты выводнена Лугою:

В твоей струе — ее струя.

Бывало, еду и аукаю

В запроволочные края.

Бывало, подъезжаю к проволоке,

Нас разделявшей в годы те,

Угадывая в блеклом облике

Страну, подобную Мечте,

Опередившую Америку

Своим развитием страну.

"Пристать бы мне к родному берегу, —

Границу вот перемахну..."

И мысль привычно-необычная

Овладевала часто мной,

Но бдит охрана пограничная

Настриженною тишиной...

И брови хмурые, суровые

Вдруг проясняются, когда

Поймешь: Россонь слита с Норовою,

И всюду — русская вода!..

В Россию Северянин не вернулся: началась Великая Отечественная война, поэт умер в 1941 году в Таллине. И тем не менее он был свидетелем того, как утопия воплощается: на короткое время Эстония снова стала российской землей...

6

Слава похожа на утопию. И та и другая— плод тяжелого труда. Их очень трудно поддерживать. Разница толь-КС ° Одним: слава иногда возвращается. И уже навсегда.

*Современники о Северянине

Северянин чрезвычайно быстро "исписался", довел, постоянно повторяясь, своеобразие некоторых своих приемов до шаблона, развил, в позднейших стихах, недостаток своей поэзии до крайности, утратив ее достоинства, стал приторным и жеманным и сузил темы своих "поэз" до маленького круга, где господствовало "быстро-темпное упоение", восклицания "Вы такая эстетная" и т.д., — салонный эротизм и чуждый жизни эстетизм. Приставка эго (Северянин именовался "эгофутуристом") мстила за себя. Все, что писал и печатал Игорь Северянин за годы революции, в Кры-(му и в Ревеле, — только перепевы худших элементов его ранних книг. Вместе с Северяниным сошли со сцены литературы и его ученики (были таковые!).

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ, из статьи

Поэтическое лицо Игоря Северянина определяется главным образом недостатками его поэзии. Чудовищные неологизмы и, по-видимому, экзотически обаятельные для автора иностранные слова пестрят в его обиходе. Не чувствуя законов русского языка, не слыша, как растет и прозябает слово, он предпочитает словам живым слова, отпавшие от языка или не вошедшие в него. Часто он видит красоту в образе "галантерейности". И все-таки легкая восторженность и сухая жизнерадостность делают Северянина поэтом. Стих его отличается сильной мускулатурой кузнечика. Безнадежно перепутав все культуры, поэт умеет иногда дать очаровательные формы хаосу, царящему в его представлении. Нельзя писать "просто хорошие" стихи. Если "я" Северянина трудно уловимо, это не значит, что его нет. Он умеет быть своеобразным лишь в поверхностных своих проявлениях, наше дело заключить по ним об его глубине.

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ, рецензия

Право, мне кажется, Игорь Северянин поэт, и настоящий поэт, а не версификатор только. Поносящие его в газетах — слепы, а Гумилев похвалить не смел, а бранить не хотел и написал нечто...

ГЕОРГИЙ ИВАНОВ, из письма

... Теперь об Игоре. Я знал его очень хорошо. Мы вместе совершили несколько поездов

по России, были в Кутаиси и в Баку, в Таганроге и Одессе и т.д.; я подолгу гостил у него в Гатчине. Люблю его как человека, люблю его стихи, — совершенно неоцененные по достоинству. Посмотрите на тонкость его письма: в стихотворении "Клуб дам", — "краснокожий метал бумеранг"; казалось бы — этнографический lapsus; Брюсов так и понял и попрекал Игоря невежеством; но ведь рассказ ведется от лица "путешественницы", этаким Корсини, которая путает Гвинею и Гвиану; и "lapsus" вырастает в художественный прием, — тончайший! Если у Вас есть "Кубок", я Вам покажу кое-что. Игорь обладал самым демоническим умом, какой я только встречал. Это был Александр Раевский, ставший стихотворцем, и все его стихи — сплошное издевательство над всеми и всем, и над собой. Вы знаете, что Игорь никогда (за редчайшим исключением) ни с кем не говорил серьезно? Ему доставляло удовольствие пороть перед Венгеровым чушь и видеть, как тот корежится "от стыда за человека". Игорь каждого видел насквозь, непостижимым чутьем, толстовской хваткой проникал в душу, и всегда чувствовал себя умнее собеседника, — но это ощущение неуклонно сопрягалось в нем с чувством презрения. Кажется, лишь меня: сумевшего понять некоторые глубоко таимые его мысли, он удостаивал искренней беседой, Вы спросите, — где гарантия, что и меня не рядил он в дураки? Голову на отсечение не дам, — но очень думаю, что было не так: сначала он говорил со мной так же, как с другими (по отношению к другим ноты бесед менялись, но тембр оставался всегда тот же); потом изменился тембр. Теперешних его книг не знаю. Очень допускаю, что он измазался в мещанстве, — как Гоголь: в "Переписке". Об Игоре расскажу Вам многое...

Г. ШЕНГЕЛИ, из письма

Из всех дерзающих, книги которых лежат теперь передо мной, интереснее всех, пожалуй, Игорь Северянин: он больше всех дерзает. Конечно, девять десятых его творчества нельзя воспринимать иначе, как желание скандала или как ни с чем не сравнимую жалкую наивность. Там, где он хочет быть элегантным, он напоминает пародии на романы Вербицкой, он неуклюж, когда хочет быть изящным, его дерзость не всегда далека от нахальства, "Я заклею, как некогда Бодлэр", "проборча-тый... желательный для многих кавалер", "меково", "грезэрка" и тому подобные выражения только намекают на все неловкости его стиля. Но зато его стих свободен и крылат, его образы подлинно, а иногда и радующе, неожиданны, у него есть уже свой поэтический облик.

НИКОЛАЙ ГУМИЛЕВ, из статьи

Он тем хорош, что он совсем не то,

Что думает о нем толпа пустая,

Стихов принципиально не читая,

Раз нет в них ананасов и авто.

Фокстрот, кинематограф и лото —

Вот, вот куда людская мчится стая!

А между тем душа его гпюстая,

Как день весны.

Но это знает кто?

Благословляя мир, проклятье войнам

Он шлет в стихе, признания достойном,

Слегка скорбя, подчас слегка шутя

Над всею первенствующей планетой...

Он — в каждой песне, им от сердца спетой,

Иронизирующее дитя.

ИГОРЬ-СЕВЕРЯНИН, сонет "Игорь Северянин"